

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 3 (84). С. 74–84.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2024; 3 (84):74–84.

Научная статья
УДК 811.161.1:34
DOI 10.37724/RSU.2024.84.3.009

О когерентности текстов правового дискурса

Алексей Владимирович Глазков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия
glazkov-av@ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматриваются когерентные отношения, возникающие между текстами правового дискурса. К текстам правового дискурса относятся тексты нормативных правовых актов (ядро дискурса), тексты юридической практики (околоядерная зона), а также тексты других дискурсов, содержащих информацию о правовых отношениях (периферийная зона). Показано, что тексты нормативных правовых актов имеют признаки трех типов речевых актов: директива, декларатива и репрезентатива. Директив содержится прежде всего в санкциях статей, декларатив — в строгом дефинировании терминов и понятий, репрезентатив — в диспозициях статей. Доказано, что диспозиция имеет нарративную природу, что позволяет создавать когерентные связи между текстами разных типов. Нарративная природа диспозиции проиллюстрирована фрагментами из современных текстов, где обычно используются именные группы с вершинным отглагольным существительным, и примерами из текстов XIX века, где имеются стандартные нарративные конструкции. Для анализа использован метод текстуальных групп — любых сочетаний предложений, к которым приложены инструменты анализа категорий текстуальности, в том числе когерентности, понимаемой как категория, отражающая логическую непротиворечивость между предложениями. Исследование выполнено в аспекте ситуационной семантики. Показано, что текст диспозиции содержит представление ситуационного типа матричного характера, где основным элементом являются отношения между объектами, а не наоборот, что типично для нарратива. Когерентные отношения между текстами проиллюстрированы на примерах журналистских текстов, описывающих правонарушение, и фрагментах текстов приговоров по уголовным делам. Выявлено, что в рамках правового дискурса действуют особые когерентные отношения между текстами, состоящие в том, что заложенная в текст нормативного правового акта полиситуативность формирует ограничения для когерентных отношений между текстами, выражающиеся в строгом ситуативном соответствии текста правоприменения тексту статьи закона.

Ключевые слова: дискурс, когерентность, нарратив, правовой дискурс, речевой акт, ситуационная семантика, текст, текстуальность.

Для цитирования: Глазков А. В. О когерентности текстов правового дискурса // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 3 (84). С. 74–84. DOI: 10.37724/RSU.2024.84.3.009.

Original article

On coherence of legal discourse texts

Alexey V. Glazkov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia
glazkov-av@ranepa.ru

Abstract. The article deals with the coherent relations arising among texts of legal discourse. Such discourse includes texts of normative legal acts (the core of discourse), texts of legal practice (the near-core area), as well as texts of other discourses containing information about legal relations (the peripheral area). It shows that

the texts of normative legal acts possess features of three types of speech acts: directive, declarative and representational. The directive type is contained primarily in the sanctions of articles, the declarative one exists in strict definitions of terms and concepts, and the representative type is found in dispositions of articles. It is proved that the disposition has a narrative character, which allows creating coherent links between texts of different types. The narrative nature of disposition is illustrated by fragments from modern texts, where noun groups with an apex verbal noun are usually used, and by examples from 19th-century texts, where standard narrative constructions are available. For our analysis, we used the method of textual groups: any combinations of sentences, to which we applied the tools of analyzing the categories of textuality, including coherence, understood as a category reflecting logical consistency between sentences. The study was carried out in the area of situational semantics. It is shown that the dispositional text contains a representation of matrix situational type, where the main element is the relations between objects, and not vice versa, which is typical for a narrative. Coherent relations between texts are illustrated in journalistic texts describing offenses and fragments from criminal sentences. It is revealed that within the framework of legal discourse there are special coherent relations between texts, consisting in the fact that the polysituationality embedded in the text of a normative legal act forms restrictions for coherent relations between texts, expressed in the strict situational correspondence of the text of law enforcement to the text of the law article.

Keywords: discourse, coherence, narrative, legal discourse, speech act, situational semantics, text, textuality.

For citation: Glazkov A. V. On coherence of legal discourse texts. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2024; 3 (84):74–84. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2024.84.3.009.

Введение

Исследования структуры отношений между текстами оказались в поле зрения лингвистов с момента открытия явления интертекстуальности, однако впоследствии стало ясно, что эти отношения интертекстуальностью не ограничены. Массивы текстов определенных дискурсов требуют описания в том числе в терминах других категорий текстuality, к которым относятся и когерентность. Расширенное, то есть применяемое не только в отношении текста, изучение текстualityных категорий представляет особый интерес лингвистики текста. Выполнение настоящего исследования в таком ключе составляет его актуальность.

Цель статьи заключается в выявлении особенностей когерентных отношений между текстами правового дискурса и выделении когерентности в качестве дискурсообразующей категории.

В статье решены следующие задачи: установлена специфика текстов нормативных правовых актов в свете теории речевых актов; обозначен репрезентатив как базовый речевой акт для создания когерентной системы текстов правового дискурса; проведен анализ текстов правового дискурса в системе ситуационной семантики; сделан вывод о дискурсообразующей функции категории когерентности.

Объектом настоящего исследования выбраны тексты правового дискурса. В качестве предмета выступают когерентные отношения между текстами. В исследовании будет показано, что здесь действует особый механизм когерентности, заключающийся в том, что, во-первых, когерентность формируется ядерным компонентом дискурса (текстом нормативного правового акта), а во-вторых, когерентность является дискурсообразующей категорией.

В исследовании применяется метод текстualityных групп. Под текстualityной группой понимается любое произвольное множество предложений (не менее двух), к которым прикладываются категории текстualityности. В настоящем исследовании анализируются условия когерентности текстualityных групп. Под когерентностью понимается внутренняя непротиворечивость предложений в текстualityной группе. Группа когерентна, если: 1) противоречий внутри текстualityной группы нет; 2) все существующие противоречия разрешаются внутри текстualityной группы.

Когерентность может рассматриваться в двух аспектах: в аспекте построения текста и в аспекте отношений между текстами. Первое обычно связывается с категорией темы. К. Бринкер в своих исследованиях подробно рассмотрел понятие «развертывания темы» (Themenentfaltung), постепенно приводящее к «обобщенному содержанию» (Gesamtinhalt) текста (см.: [Brinker, Cölfen 2018, S. 54]). Такой подход близок к выделению иерархической системы пропозиций в теории дискурса Т. ван Дейка: текст содержит макропозицию, которая в результате редукции может заменяться цепочками предложений (см.: [ван Дейк, 2000, с. 43]).

Второй аспект, который доминирует в настоящей статье, позволяет исследовать когерентность предложений вне текстовой динамики. В рамках данного подхода можно ставить вопросы об идентичности двух одинаковых предложений из разных текстов, о степени тождества/различия между предложениями и т. д. В частности, предполагается рассмотреть когерентность между текстами разных типов внутри одного дискурса (правового).

В статье тексты правового дискурса изучаются с позиции теории речевых актов, что необходимо для построения когерентной системы. Показано, что важнейшим элементом, обеспечивающим когерентность дискурса, являются репрезентативные речевые акты, выраженные в виде нарративов. Далее проведен анализ диспозиций статей Уголовного кодекса, по результатам которого выяснено, что они обладают полиситуационностью, а выбор одной из возможных ситуаций составляет основу когерентной системы. В заключение проведен анализ двух кейсов, подтверждающих выводы.

Основная часть

Структура речевого акта в правовом дискурсе

Прежде чем говорить о когерентности текстов правового дискурса, необходимо определить набор таких текстов и их дискурсивную специфику. В правовой дискурсивной практике можно выделить два существенных этапа: создание нормативного правового акта и правоприменение. Этот набор является минимальным и может быть расширен за счет текстов толкования законов, текстов журналистской практики (журналистское расследование, журналистика тру-крайм), педагогической практики (обучение студентов праву) и т. д. Ядро правового дискурса составляет нормативный правовой акт — «письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение и отмену правовых норм» [Храмцова, 2010, с. 88]. Из определения следует существенный момент правового дискурса — его строгая привязка ко времени. Нормативный правовой акт действует до тех пор, пока он таковым является, и только в этом случае он считается элементом правового дискурса. Как только он будет отменен или заменен другим, то становится частью истории правового дискурса, его специфика коренным образом меняется: он не нуждается ни в правоприменении, ни в толковании. В этом заключается уникальность правового дискурса: ни один другой тип дискурса подобной характеристики не имеет, а если каким-то образом ее получит, то это будет характеристика правового дискурса. Так, орфографическое правило не относится к правовому дискурсу, но имеет его признаки, поскольку действует ровно в течение того времени, пока не будет отменено/заменено другим.

Статус ядра у одного типа текстов — это тоже важная характеристика правового дискурса. По указанной выше причине никакой тип, кроме текстов нормативных правовых актов, не может занять ядерную позицию, в противном случае правовой дискурс потеряет свой статус.

Следующая значимая особенность — направленность дискурсивных практик правового дискурса. Они центробежны, если это дискурс правоприменения, и центростремительны, если это дискурс законотворчества. В любом случае модель иллюстрирует наличие в дискурсе одного ядра. В настоящем исследовании мы будем говорить о дискурсе правоприменения, так как только в этом сегменте устанавливаются когерентные межтекстовые отношения.

Выделение трех базовых характеристик правового дискурса необходимо для построения системы когерентности текстов. Поскольку ядром является текст закона, мы рассмотрим его коммуникативную специфику.

Текст нормативного акта, во-первых, призван определить действие какого-либо лица или органа; во-вторых, способен назвать характер деяния и, соответственно, признак деятеля; в-третьих, основывается на описании тривиального ситуационного типа. Тем самым мы утверждаем, что текст нормативного правового акта может содержать в себе признаки нескольких речевых актов: директива, декларатива, репрезентатива. Покажем это. За основу возьмем классификацию речевых актов, разработанную Дж. Сёрлем, а также толкование системы направления соответствия Дж. Юлом.

1. **Директивный речевой акт** подразумевает преобразование мира согласно сказанному (“make the world fit words” [Yule, 1996, p. 55]). Это означает, что имеет место ограничение в развитии ситуаций, когда одна ситуация оказывается желательной, а все ее альтернативы — нет.

Анализ литературы в области директивных речевых актов позволил А. В. Анищенко и Т. С. Лариной выделить среди данного типа пять подтипов: приказ, запрет, просьбу, совет, предложение (см.: [Анищенко, Ларина, 2021, с. 12]). В правовом дискурсе из перечисленного имеются первые два, к которым следовало бы добавить рекомендацию. Прямые директивы, грамматически привязанные к императиву, инфинитиву или к соответствующему перформативу, встречаются в приговорах, определениях и т. п., но совершенно не характерны для текстов законов, кодексов. Скорее, они типичны в деловом дискурсе (ср.: [Гапонова, Кочеткова, 2019]), в религиозном дискурсе (ср.: [Омельченко, 2020]). В тексте закона нет, например, запрета кражи, а указание на наказание за кражу не означает, что всякий, кто украл, понесет наказание. Более того, с учетом судебной ошибки невозможно сказать, что всякий, кто понес наказание, совершил то действие, за которое подвергнут наказанию. Это все свидетельствует о том, что законодательный акт является директивным, но не в типичном виде. В большей степени он обладает признаками директива.

2. **Декларативный речевой акт** имеет то же направление соответствия, что и директивный, но в результате декларатива мир изменяется за счет присвоения имен, определения статусов и т. д. Как пишет С. В. Мощева, для декларативов свойственно «внесение изменений полномочным лицом в статус указываемого объекта» [Мощева, 2016, с. 37]. В правовом дискурсе декларативы составляют необходимый компонент судебного решения, когда кто-либо объявляется виновным/невиновным. Однако они используются и в нормативных правовых актах, например, в Уголовном кодексе при определении базовых понятий и терминов, как в следующем примере из части 4 статьи 33 УК РФ¹.

(1) «Подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом».

Слово *подстрекатель* относится к числу существительных, называющих лицо по совершению им некоторого действия (в данном случае по глаголу *подстрекать*). Декларатив устанавливает обстоятельства, в которых человека можно назвать подстрекателем, но не в бытовом, а в юридическом смысле, что определяется только судом, так как до судебного решения действует презумпция невиновности.

Точно так же декларатив содержится и в названии преступных деяний, причем этот речевой акт может быть выражен имплицитно, будучи «вложенным» в высказывание, представляющее другой речевой акт, например директив, как в примере из статьи 214 части 1 УК РФ.

(2) «Вандализм, то есть осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах, — наказывается штрафом...»

Декларатив заключается в том, что в статье не просто дается толкование термина в пояснительной конструкции, но указывается вид преступного деяния, за которое может быть применено наказание в рамках данной статьи Уголовного кодекса. В результате следственных действий и судебного разбирательства суд квалифицирует действия человека как вандализм, объявляет их вандализмом, что и составляет декларативный речевой акт.

Л. М. Голиков и О. В. Дружининская в качестве специфики речевых актов в правовом дискурсе отмечают их недискриптивность, уточняя, что «они не способны оцениваться по критерию истинности-ложности» [Голиков, Дружининская, 2021, с. 14], а также что они лишены искренности, так как законодатель, в отличие от судьи, не может быть ни искренним, ни неискренним. В. В. Оглезнев предлагает выделить аскриптивный речевой акт с признаками (см.: [Оглезнев, 2013]), отличающийся от декларатива тем, что он фигурирует исключительно в правовом дискурсе и выражает пропозицию, необходимую для исполнения.

3. **Репрезентатив**, или **ассертив**, представляет собой тип речевого акта с другим направлением соответствия: слова ставятся сообразно миру (“make words fit the world” [Yule, 1996, p. 55]). Репрезентатив сопряжен с нарративным типом текста. И этому аспекту мы намерены уделить особое внимание, так как именно нарративность является основанием когерентности текстов правового дискурса.

Для примера возьмем фрагменты двух статей: статьи 144.1 УК РФ (3) и части 1 статьи 11.4 ЗК РФ² (4).

¹ Здесь и далее Уголовный кодекс Российской Федерации цит. по: [Уголовный кодекс ... , 2020].

² Здесь и далее Земельный кодекс Российской Федерации цит. по: [Земельный кодекс ... , 2023].

(3) «Необоснованный отказ в приеме на работу лица по мотивам достижения им предпенсионного возраста, а равно необоснованное увольнение с работы такого лица по тем же мотивам — наказывается штрафом...»

(4) «При разделе земельного участка образуются несколько земельных участков, а земельный участок, из которого при разделе образуются земельные участки, прекращает свое существование».

В каждой из статей содержится часть, которую можно представить в виде нарратива: в Уголовном кодексе это описание диспозиции, в Земельном кодексе — описание необходимых действий при возникновении конфликтной ситуации. Однако у этого нарратива есть своя специфика. Типичный нарратив представляет события, произошедшие в прошлом, реже — происходящие в настоящем. Существование нарратива о будущем не общепризнано, хотя в науке об этом высказываются мнения (см.: [Глазков, 2019 ; MacFarlane, 2003 ; Korta, 2017]). Нарратив в правовом дискурсе представляет возможные ситуационные типы, которые не привязаны к какому-то времени, а любое действие, допускающее свое описание текстом или частью текста статьи, означает нарушение норм права.

Существуют разные языковые стандарты представления диспозиции статьи: с использованием глагольных форм (типично для традиционного нарратива) и с использованием отглагольных существительных (нетипично для традиционного нарратива). В современном русском правовом дискурсе принято создание текстов с максимальным использованием отглагольных существительных. Первый подход, при котором имеет место нарративное представление диспозиции, зафиксирован в законодательстве XIX века. Покажем это на примере статьи 1232 Законов уголовных Российской империи.

(5) «Кто, потеряв свой паспорт, билет или другой вид на жительство, не объявит о сей потере надлежащему начальству установленным порядком, тот, хотя бы и получил потом даже немедленно другой вид, подвергается за сие: денежному взысканию одного рубля» [Свод законов Российской империи, 1857, с. 331].

В данном примере описана целая возможная ситуация. При этом, во-первых, отсутствуют реальные участники ситуации, а во-вторых, ситуация не произошла, а может произойти, но эта возможность не переводит ее в другой возможный мир. Текст как бы предполагает ее возникновение, причем неоднократное. Замена местоимения *кто* на определенное имя и глаголов в будущем времени на глаголы в прошедшем приведет к стандартному нарративному представлению ситуации.

В примерах (3) и (4) процедура перевода в нарратив будет иметь несколько иной вид. В примере (3) предложение содержит отглагольные существительные *отказ* и *увольнение*. Транспозиция глаголов в существительные сохраняет структуру их семантических актантов (ср.: [Кручинкина, 2009, с. 100]) с той лишь разницей, что они приобретают статус сирконстантов. Это значит, что даже при отсутствии синтаксического актанта в семантической структуре существительного он остается. Так, у обоих существительных сохраняется актант-субъект (его семантическую роль можно определить как «автор») (ср.: [Глазков, 2024, с. 222]); ему в соответствие не поставлена никакая именная группа, поэтому можно говорить о нулевом синтаксическом актанте, подобном PRO (см.: [Тестелец, 2001, с. 287]), но отличающемся от него тем, что синтаксическая выраженность возможна, хотя и не в качестве подлежащего. В таком случае преобразование текста статьи в нарратив произойдет при условии заполнения нулей определенными именными группами и обратной транспозиции отглагольных существительных в глаголы.

В примере (4) обнаруживается комбинация обоих способов, так как текст статьи содержит и глаголы, и отглагольные существительные в составе предложных групп. Перевод в нарратив может быть осуществлен аналогичным образом.

Представление какого-либо действия в виде отглагольного существительного есть результат концептуализации, «закрывающейся в умении осуществлять операции отождествления и разграничения, сопоставления и выделения» [Колесникова, Алтабаева, Грязнова, 2022, с. 35]. Отглагольное существительное выражает, таким образом, ситуационный тип, способный найти свою репрезентацию в несчетном количестве ситуаций.

Завершая разговор о специфике текстов правового дискурса с позиции теории речевых актов, отметим, что ключевым в системе правового дискурса оказывается репрезентатив, потому что любое решение производится на основании изучения произошедшего, а обеспечивает это нарратив как дискурсивная практика.

Далее мы рассмотрим нарративный характер текстов правового дискурса с позиций ситуационной семантики.

*Специфика ситуационного представления реальности
в правовом дискурсе*

Под ситуацией далее будет пониматься фрагмент образа реальности, отвечающий следующим параметрам (представляя их, мы следуем теории ситуационной семантики (см.: [Bagwise, Perry, 1999 ; Devlin, 2006])):

- 1) существует система объектов (O);
- 2) существует система отношений между объектами ($\mathcal{R}$);
- 3) заданы временные промежутки фиксации этих отношений (τ);
- 4) заданы пространственные ограничения фиксации отношений (l);
- 5) задана модальность фиксации отношений (M).

Сказанное можно отобразить в виде формулы:

$$C = \langle\langle \mathcal{R}; O; \tau; l; M = \{0, 1\} \rangle\rangle.$$

Временные промежутки и пространственные характеристики назовем координатными, если они имеют точное значение.

Модальное значение признается равным единице, если ситуация существует в исходном возможном мире, и нулю, если ситуация не существует в исходном возможном мире.

Если ситуация не имеет координатных характеристик времени и места и референций к определенным объектам, а также соответствует ситуациям с установленными координатами и референциями, она называется ситуационным типом.

Статьи нормативных законодательных актов представляют ситуационные типы — это следует из определения. В статье может быть представлен как один, так и несколько ситуационных типов. Покажем это на примерах.

(6) С₁ «1. Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме, — влечет наложение административного штрафа...» (статья 5.61 КоАП РФ) (курсив наш. — А. Г.).

В данном случае объектами являются оскорбляющее и оскорбленное лицо, а также использованные коммуникативные средства; отношениями является выражение. Поскольку это действие само по себе унижает другого человека, оно оказывается частью той же самой ситуации, которая имеет название *оскорбление*. Представлена одна ситуация.

Полиситуативность покажем сначала на нарративном примере (статья 2274 Законов уголовных Российской империи).

(7) «Если нашедший деньги (в городах не менее десяти рублей, а в селениях не менее одного рубля), или же вещь (такой же цены), не знал кому оныя принадлежат, и вместо того, чтобы о находке своей установленным порядком и немедленно и во всяком случае в городах не позднее как через три дня, а в селениях не позднее как через три недели, утаит ее и присвоит себе, то он за сие подвергается денежному взысканию...» [Свод законов Российской империи, 1857, с. 584–585].

Представим статью в виде схемы (рис. 1).

Рис. 1. Схема диспозиции статьи 2274 Законов Российской империи

Основное действие отмечено глаголом *нашел*. Для предложений с глаголом *найти* свойственно наличие пресуппозиции: *кто-либо потерял*, которая в свою очередь имеет пресуппозицию: *кто-либо владел чем-либо*. Для данной статьи актуально, чем владел человек. Отсюда выделим 4 ситуации:

S1.1 — X владел деньгами; S1.2 — X владел вещью.

S2.1 — X потерял деньги; S2.2 — X потерял вещь.

Следующие ситуации имеют буквальное выражение в тексте статьи:

С3.1.1 — Y нашел деньги в деревне; С3.1.2 — Y нашел деньги в городе;

С3.2.1 — Y нашел вещь в деревне; С3.2.2 — Y нашел вещь в городе.

С4.1 — Y вовремя известил о находке в городе; С4.2 — Y вовремя известил о находке в селении.

С5.1 — Y не известил о находке в городе; С5.2 — Y не известил о находке в селении.

Таким образом, лицо будет виновным, если имеет место любой из вариантов цепочки:

С1n — С2n — С3n — С5n.

Индекс *n* показывает, что ситуации оказываются несовместимы, то есть между потенциально выражающими их предложениями (или текстуальными группами) нет когерентности в пределах одной модальности. Например, если человек находит деньги в селении, то он не находит их в городе. Тогда модальность С3.1.1 равна 1, а модальность С3.1.2 равна 0. Назовем наличие несовместимых ситуаций в текстуальной группе *расщеплением реальности*. Текстовое представление реальных ситуаций будет когерентно текстовому представлению ситуационного типа (тексту статьи) только в том случае, если в нем не будет расщепления реальности, то есть обнаружится соответствие одному варианту указанной цепочки. Таким образом, можно говорить, что создается порождающая коммуникативная модель, где исходный текст представляет собой матрицу, необходимую для включения построенных по ее принципу текстов в систему правового дискурса.

Покажем то же на примере текста современного законодательства. Используем статью 290 УК РФ «Получение взятки», которую можно представить в виде схемы (рис. 2):

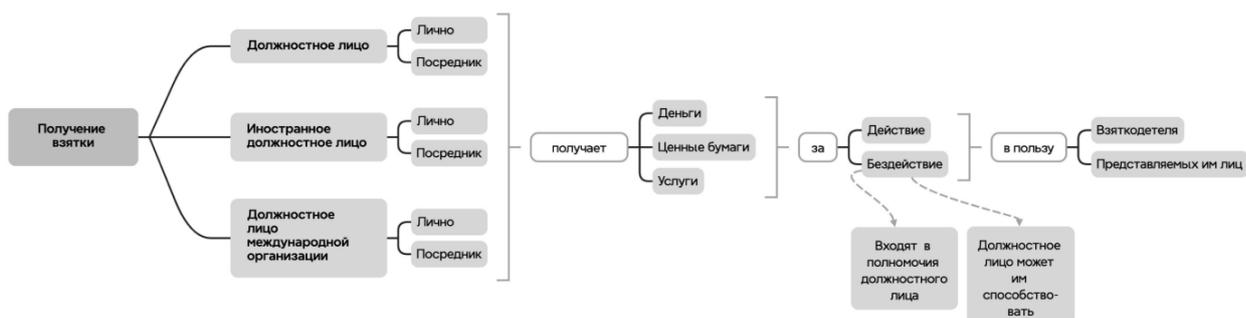

Рис. 2. Схемы диспозиции статьи 290 УК РФ «Получение взятки»

Можно считать, что статья содержит 72 ситуационных типа, каждый из которых описывает процесс получения взятки. Каждый из этих 72 типов несовместим с другими, то есть имеет место расщепление реальности. Составим предложения.

(8) Должностное лицо лично получает деньги за бездействие в пользу взяткодателя.

(9) Иностранное должностное лицо через посредника получает услуги за действие в отношении представляемых взяткодателям лиц.

Очевидно, что предложения иллюстрируют две разные ситуации, где имеют место разные объекты, между которыми возникают разного вида отношения.

Сам процесс получения взятки представляет собой цепочку событий, как это называется в ситуационной семантике (см.: [Barwise, Perry, 1999, p. 56]), разделенную на несколько временных отрезков: выполнение должностным лицом своих обязанностей — получение взятки — выполнение некоторых условий взятки. Каждая из этих ситуаций имеет внутреннюю полиситуативность, что также следует из схемы. Кроме того, каждая ситуация обладает и параметрическими характеристиками.

Полиситуативность проявляется и в санкциях статей, где обычно перечислен целый ряд предусмотренных наказаний. Статья 5.61 КоАП РФ предполагает следующие наказания:

(10) «Оскорбление... влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц — от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц — от ста тысяч до двухсот тысяч рублей».

Расщепление реальности, как видим, идет по двум параметрам: по характеристике объекта и по величине штрафа. Поскольку последнее представляет собой континуум, количество порождаемых ситуаций оказывается несчетным.

Полиситуативность является одним из главнейших признаков текстов нормативных правовых актов. В самом тексте отсутствуют какие-либо механизмы сведения ее к моноситуативности. Более того, если бы они были, текст потерял бы свою способность образовывать особый тип дискурса. Сведение полиситуативности к моноситуативности происходит в правовой дискурсивной практике, где базовой категорией существования дискурса выступает когерентность.

Текст нормативного правового акта представляет ситуационный тип матричного характера со следующими признаками:

- 1) пространство и время не имеют координатных характеристик;
- 2) объекты определяются характером отношений между ними;
- 3) количество отношений между объектами задано, но не имеет единой количественной характеристики, поэтому отношения могут быть несовместимы;
- 4) модальность в целом не определяется.

Важно, что отношения определяют объекты, а не наоборот, как в нарративе, а несовместимость отношений ведет к полиситуативности, не позволяющей, в свою очередь, указать строгое модальное значение, поэтому и невозможно включить этот текст в систему условий истинности.

Правовой дискурс требует наличия других текстов, представляющих не ситуационные типы, а ситуации с референцией к определенным объектам. В результате возникают текстовые связи, как мы отмечали ранее, необходимо возглавляемые текстом нормативного правового акта. Тексты, отражающие правовые тексты, нельзя назвать вторичными, потому что они содержат нарративные фрагменты, представляющие происходящее в реальности, но строятся они по модели текста статьи. Такие тексты встречаются как в профессиональном правовом дискурсе, так и, например, в журналистском, примыкающем к правовому. Приведем пример.

(11) «По данным СУ СК России по Пензенской области, в ноябре 2019 года осужденный дал незаконное указание подчиненному сообщить гражданам, продающим мясо на рынке, и предпринимателям об отсутствии препятствий к продаже без ветеринарных документов и экспертизы, если ему систематически будут передавать по 500 рублей. Так подчиненный, находясь в служебной зависимости от руководителя, стал посредником во взяточничестве. Мужчина перестал выдавать продавцам ветеринарные документы и с декабря 2019 года по февраль 2023 года получил взятку в размере 396,5 тысяч рублей от восьми граждан и предпринимателей» [На 7,6 лет условно осудили ... , 2024].

Статью можно преобразовать в высказывание на основе предложенной ранее схемы: осужденный, будучи должностным лицом, через посредника получал деньги за бездействие, входящее в круг его полномочий, в собственных интересах. Отличие этого предложения от текста статьи Уголовного кодекса состоит в том, что здесь дана ситуация, а не ситуационный тип.

$S1 = \langle\langle \mathcal{R}$ (получение взятки); O (осужденный, посредник, продавцы, мясо); τ (декабрь 2019 — февраль 2023); I (Пензенская область); $M = 1 \rangle\rangle$.

Когерентные отношения между текстом (11) и статьей 290 УК РФ формируются на основании того, что все данные выраженной в журналистском тексте ситуации соотнесены с параметрами статьи закона без противоречий, то есть каждое значение параметра может быть таковым.

Рассмотрим для примера номинационную цепочку «осужденный — руководитель — мужчина». Семантической доминантой в ней будет существительное *руководитель*: существительное *осужденный*, являясь когипонимом к слову *руководитель*, в предложении 1 фактически означает ‘тот, кто станет осужденным позднее, по решению суда’, то есть ситуационно меняет свое значение, а поэтому не должно рассматриваться в качестве доминанты номинационной цепочки. Так как в диспозиции статьи сказано, что деяния «входят в служебные полномочия должностного лица», данная номинационная цепочка вполне соответствует параметрам объекта — бенефактива в ситуации получения взятки.

Важным для когерентности системы текстов является и то, что место — это регион Российской Федерации, в противном случае когерентность была бы нарушена, так как только Российская Федерация является юрисдикцией УК РФ.

Цепочка событий как система параметрических ситуаций также способствует когерентности текстов. Покажем это на ситуации, обозначенной именной группой «продажа без ветеринарных документов и экспертизы». Из текста следует, что экспертиза и соответствующие ветеринарные

документы необходимы для продажи мяса. Читательский опыт позволяет предположить, что эта процедура может затягивать процесс продажи, к тому же недобросовестные продавцы могут пытаться продать сомнительный товар, который не отвечает требованиям экспертизы, так что замена этой ситуации ситуацией взятки вполне укладывается в эту когнитивную схему.

В текстах правового дискурса (в приговорах, в решениях суда и т. п.) ситуации совершения преступных действий представлены более подробно, однако необходимой оказывается экспликация концептуального соответствия между таким текстом и текстом статьи. Приведем в качестве примера фрагмент приговора, выносимого по статье 116 УК РФ «Побои».

(12) «ФИО1... нанес ФИО7 один удар головой в лобную область слева, один удар ладонью левой руки по правой щеке, причинив потерпевшей вред, который не влечет за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности, и по этому признаку квалифицируется, как повреждение, не причинившее вред здоровью человека, то есть побои» [Суды общей юрисдикции].

В тексте статьи отсутствует детализация, каким именно образом наносятся побои, однако в тексте приговора дважды употреблено слово *удар*, называющее характер действия, а также указаны инструменты — именные группы *голова* и *ладонь левой руки*. Кроме того, точно указано, куда были нанесены удары. Слово *удар* возникает в комментариях к статье, где указывается, что побои характеризуются нанесением множества ударов. В тексте приговора сообщается о двух ударах, что существенно для квалификации действий обвиняемого.

Отсутствие когерентных отношений между предложением, представляющим ситуацию, и ситуационным типом, выраженным в тексте закона, не позволяет включить предложение в правовой дискурс, что можно показать на простом примере.

(13) «Был случай, мальчик ударил девочку. В качестве наказания он всю ночь стоял в углу в коридоре» [Кто пожалуется ... , 2023].

Точно такое же, как и в приговоре суда, действие в отрыве от текста соответствующей статьи включает текстуальную группу не в правовой, а в бытовой дискурс. Совершенно очевидно, что именно когерентные отношения описанного типа являются дискурсообразующим фактором правового дискурса.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Правовой дискурс имеет четкую структуру, где ядерным компонентом является текст нормативного правового акта.

2. Текст нормативного правового акта совмещает в себе признаки трех речевых актов: директива, декларатива и репрезентатива (ассертива), причем для создания когерентной системы дискурса существенным оказывается последний.

3. Когерентность выступает дискурсообразующей категорией. Отсутствие текстов, построенных на определенных когерентных основаниях, переводит текст в другие дискурсы.

4. Когерентная система правового дискурса может быть описана в терминах ситуационной семантики. Нормативный правовой акт представляет собой полиситуационный текст матричного характера с незаполненными позициями координатных и референтных параметров, при этом существующие ограничения на заполнение этих позиций позволяют сформировать неопределенное множество текстов, когерентных данному, с заполненными координатными и референтными позициями.

Список источников

1. Анищенко А. В., Ларина Т. С. Директивные речевые акты как лингвокультурный феномен // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2021. — Вып. 11 (53). — С. 9–21.
2. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. — Благовещенск : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 2000. — 308 с.
3. Гапонова Ю. В., Кочеткова О. Л. Директивные речевые акты в деловом дискурсе // Синергия наук. — 2019. — № 34. — С. 691–698.

4. Глазков А. В. Нарратив о будущем: грамматико-прагматический аспект // Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования. — М. : ЛЕНАНД, 2019. — С. 350–359.
5. Глазков А. В. Семантика: от слова к тексту. — М. : Юрайт, 2024. — 492 с.
6. Голиков Л. М., Дружининская О. В. Формы регламентации в пенитенциарном законе XIX столетия. — Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2021. — 81 с.
7. Земельный кодекс Российской Федерации. — М. : Эксмо, 2023. — 256 с.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. — М. : Эксмо, 2024. — 800 с.
9. Колесникова С. М., Алтабаева Е. В., Грязнова А. Т. Когнитивная лингвистика : учеб. для вузов / под ред. С. М. Колесниковой. — М. : Юрайт, 2022. — 192 с.
10. Кручинкина Н. Д. Транспозиция отглагольных существительных // *Lingua mobilis*. — 2009. — № 3 (17). — С. 99–103.
11. Кто пожалуется, поедет в психушку: насколько страшен омский детдом, где унижали девочку? // Омск-информ. — 2023, 06 нояб. — URL : <https://omskinform.ru/news/183570> (дата обращения: 19.07.2024).
12. Мощева С. В. Декларативы: особенности реализации в дискурсе рекламы // Вестник Удмуртского университета. — 2016. — Т. 26, вып. 5. — С. 37–42.
13. На 7,6 лет условно осудили ветеринара в Пензенской области за взятку // Аргументы и факты. — 2024. — URL : <https://penza.aif.ru/incidents/na-7-6-let-uslovno-osudili-veterinara-v-penzenskoj-oblasti-za-vzyatku> (дата обращения: 19.07.2024).
14. Оглезнев В. В. Аскриптив как речевой акт // Эпистемология & философия науки. — 2013. — Т. XXXV, № 1. — С. 167–181.
15. Омельченко О. В. Модальность директивных речевых актов запрета в рамках религиозного дискурса (на основе русского перевода Библии) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2020. — № 10 (153). — С. 122–129.
16. Свод законов Российской империи. — СПб. : В тип. Второго Отд-ния Собств. Его Имп. Велич. Канцелярии, 1857. — Т. 15 : Законы уголовные. — 602 с.
17. Суды общей юрисдикции. — URL : <https://sudact.ru/regular> (дата обращения: 19.07.2024).
18. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. — М. : Изд-во РГГУ, 2001. — 797 с.
19. Уголовный кодекс Российской Федерации: на 2020 год. — М. : АСТ, 2020. — 320 с.
20. Храмова Н. Г. Теория правового дискурса: базовые идеи, проблемы, закономерности. — Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2010. — 396 с.
21. Barwise J., Perry J. Situations and Attitudes. — Stanford : CSLI Publications, 1999. — 376 p.
22. Brinker K., Cölfen H., Pappert S. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. — Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2018. — 190 S.
23. Devlin K. Situation Theory and Situation Semantics // *Handbook of the History of Logic*. — Amsterdam : Elsevier, 2006. — Vol. 7. — Pp. 601–664.
24. Korta K. Talk about the Future // *Pragmatics at its interfaces* / ed. S. Assimakopoulos. — Mouton de Gruyter, 2017. — Pp. 53–70.
25. MacFarlane J. Future contingents and relative truths // *The philosophical quarterly* 53. — 2003. — Pp. 321–336.
26. Yule G. Pragmatics. — Oxford : Oxford University Press, 1996. — 138 p.

References

1. Anishchenko A. V., Larina T. S. Directive speech acts as a linguocultural phenomenon. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities]. 2021, iss. 11 (53), pp. 9–21. (In Russian).
2. Van Dijk T. A. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk, BGK im. I. A. Baudouin de Courtenay Publ., 2000, 308 p. (In Russian).
3. Gaponova Yu. V., Kochetkova O. L. Directive speech acts in business discourse. *Sinergiya nauk* [Synergy of sciences]. 2019, iss. 34, pp. 691–698. (In Russian).
4. Glazkov A. V. Narrative about the future: grammatical-pragmatic aspect. *Russkaya grammatika: strukturnaya organizatsiya yazyka i protsessy yazykovogo funktsionirovaniya* [Russian grammar: structural organization of language and processes of language functioning]. Moscow, LENAND Publ., 2019, pp. 350–359. (In Russian).
5. Glazkov A. V. *Semantika: ot slova k tekstu* [Semantics: from word to text]. Moscow, Yurait Publ., 2024, 492 p. (In Russian).
6. Golikov L. M., Druzhininskaya O. V. *Formy reglamentatsii v penitentsiarnom zakone XIX stoletiya* [Forms of regulation in the penitentiary law of the 19th century]. Vologda, VIPE FSIN of Russia Publ., 2021, 81 p. (In Russian).

7. *Zemelnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Land Code of the Russian Federation]. Moscow, Eksmo Publ., 2023, 256 p. (In Russian).
8. *Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyyakh* [Code of the Russian Federation on Administrative Offenses]. Moscow, Eksmo Publ., 2024, 800 p. (In Russian).
9. Kolesnikova S. M., Altabaeva E. V., Gryaznova A. T. *Kognitivnaya lingvistika: ucheb. dlya vuzov* [Cognitive Linguistics: textbook for universities]. Ed. by S. M. Kolesnikova. Moscow, Yurait Publ., 2022, 192 p. (In Russian).
10. Kruchinkina N. D. Transposition of verbal nouns. *Lingua mobilis*. 2009, iss. 3 (17), pp. 99–103. (In Russian).
11. Whoever complains will go to a mental hospital: how scary is the Omsk orphanage where the girl was humiliated? *Omsk-inform* [Omsk-inform]. 2023, Nov., 06. Available at: <https://omskinform.ru/news/183570> (accessed: 19.07.2024). (In Russian).
12. Moshcheva S. V. Declaratives: Features of implementation in advertising discourse. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University]. 2016, vol. 26, iss. 5, pp. 37–42. (In Russian).
13. A veterinarian doctor in the Penza Region is sentenced to 7.6 years probation for taking a bribe. *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts]. 2024, July, 19. Available at: <https://penza.aif.ru/incidents/na-7-6-let-uslovno-osudili-veterinara-v-penzenskoy-oblasti-za-vzyatku> (accessed: 19.07.2024). (In Russian).
14. Ogleznev V. V. Ascriptive as a speech act. *Epistemologiya & filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science]. 2013, vol. XXXV, iss. 1, pp. 167–181. (In Russian).
15. Omelchenko O. V. Modality of directive speech acts of prohibition within the framework of religious discourse (based on the Russian translation of the Bible). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University]. 2020, iss. 10 (153), pp. 122–129. (In Russian).
16. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, Print. at the Second Department of His Imperial Grand Chancellery Publ., 1857, vol. 15: Criminal Laws, 602 p. (In Russian).
17. *Sudy obshchey yurisdiktsii* [Courts of General Jurisdiction]. Available at: <https://sudact.ru/regular> (accessed: 19.07.2024). (In Russian).
18. Testeleys Ya. G. *Vvedeniye v obshchiy sintaksis* [Introduction to General Syntax]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2001, 797 p. (In Russian).
19. *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: na 2020 god* [Criminal Code of the Russian Federation: for year 2020]. Moscow, AST Publ., 2020, 320 p. (In Russian).
20. Khrantsova N. G. *Teoriya pravovogo diskursa: bazovyye idei, problemy, zakonomernosti* [Theory of legal discourse: basic ideas, problems, patterns]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2010, 396 p. (In Russian).
21. Barwise J., Perry J. *Situations and Attitudes*. Stanford, CSLI Publications, 1999, 376 p.
22. Brinker K., Cölfen H., Pappert S. *Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden* [Linguistic text analysis. An introduction to basic concepts and methods]. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 2018, 190 S. (In German).
23. Devlin K. Situation Theory and Situation Semantics. *Handbook of the History of Logic*. Amsterdam, Elsevier, 2006, vol. 7, pp. 601–664.
24. Korta K. Talk about the Future. *Pragmatics at its interfaces*. Ed. S. Assimakopoulos. Mouton de Gruyter, 2017, pp. 53–70.
25. MacFarlane J. Future contingents and relative truths. *The philosophical quarterly* 53. 2003, pp. 321–336.
26. Yule G. *Pragmatics*. Oxford, Oxford University Press, 1996, 138 p.

Информация об авторе

Глазков Алексей Владимирович — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой дискурсивных практик Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Сфера научных интересов: лингвистика текста, прагматика, ситуационная семантика.

Information about the author

Glazkov Alexey Vladimirovich — candidate of philology, associate professor, head of the department of discursive practices of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Research interests: text linguistics, pragmatics, situational semantics.

Статья поступила в редакцию 29.06.2024; принята к публикации 09.07.2024.

The article was submitted 29.06.2024; accepted for publication 09.07.2024.